

Сяо Чжигэ лениво пролистал несколько страниц приходно-расходных книг. Глядя на суммы ежегодной «дани», он холодно блеснул глазами, однако уголки его губ тронула насмешливая улыбка:

— Прикажи Те Ху вести войска в округ Гуанпин. Потребуется непременно схватить тех горных разбойников и добыть неопровержимые доказательства.

Кан Хун узнал о происходящем лишь спустя семь дней.

Мало того что беженцы округа Гуанпин сдались в полном составе, так еще и их главарь, желая искупить вину, лично схватил и выдал группу горных разбойников, которые первыми подняли мятеж и безнаказанно убивали невинных. Когда весть дошла до Кан Хуна, зачинщики разбойников под конвоем Те Ху уже прибыли в Юнчжоу.

Караван тюремных телег с бандитами, скованными тяжелыми колодками, въехал в город.

При виде их сердце Кан Хуна ушло в пятки. Но прежде чем он успел вымолвить хоть слово, за его спиной раздался глубокий, суровый голос Сяо Чжигэ:

— Взять бунтовщика Кан Хуна под стражу и привлечь к ответу!

Се Лин подготовился заранее: не успели солдаты Кан Хуна опомниться, как лезвие его меча уже прилегло к шее генерала. Се Лин громко возгласил:

— Главный военачальник Юнчжоу, генерал Чжуанву Кан Хун! Ты брал взятки, содержал личное войско, вступил в сговор с мятежниками и умышлял государственную измену! Признаешь ли свою вину?

Взгляд Кан Хуна дрогнул. Пересекшись взглядом с человеком в тюремной телеге, он понял: путей к отступлению больше нет. Он просчитался на шаг и проиграл.

От автора:

Сунсуна: «Скучаю по Но-но... Интересно, думает ли Но-но обо мне?»

Кан Хуна стремительно заключили под стражу. Большинство подчиненных ему военачальников не имели понятия о его темных делах и искренне хранили ему верность. Увидев, что генерала притянули к ответу, они решили, будто за этим кроются тайные козни или откровенная клевета. Все они принялись искать способ вызволить его или замолвить за него слово. Возможно, смерть Цзоцю заставила их действовать настороженно: замкомандующего, опасаясь, что Сяо Чжигэ нанесет упреждающий удар и казнит генерала, даже замыслил штурмовать темницу.

Сяо Чжигэ никак это не комментировал. Сам будучи военным до мозга костей, он не стал жестоко карать преданных, пусть и обманутых офицеров. Вместо этого он поручил своим людям оперативно принять на себя оборону Юнчжоу, а сам принялся шаг за шагом собирать и систематизировать улики против Кан Хуна.

Кое-кто из доверенных лиц Кан Хуна, зная правду, тайком отправил письмо в Ецзин. Сяо Чжигэ не стал перехватывать послание. Вот только если оно попадет в руки третьего принца в Ецзине, офицерам едва ли стоит ждать помощи — скорее уж смертельного приговора.

Прошло еще три дня, и Юнчжоу полностью перешел под контроль Сяо Чжигэ. Беженцы округа Гуанпин подчинились без остатка; Се Лин с помощниками занимался переписью населения и возвращением жителей в родные дома. Тем временем на площади перед управой скованные кандалами Кан Хун, его близкие приспешники и атаманы разбойников ожидали суда.

Сяо Чжигэ восседал на главном месте. Богатые и влиятельные кланы Юнчжоу присутствовали там в качестве свидетелей.

Солдаты вынесли целые сундуки приходных книг — все это были «подношения», регулярно выплачиваемые местной знатью на протяжении многих лет. Размеры сумм повергали в шок. Помимо документов, имелись и показания разбойников. Как выяснилось, прежде они служили в армии Юнчжоу. Когда они были еще никому не известными рядовыми, Кан Хун вывел их из лагеря, списал со счетов и инсценировал их смерть. А на самом деле запрятал людей в горах и тайне обучал как личную гвардию. За два-три года численность этого тайного войска возросла до трех тысяч человек.

Поднятый в Юнчжоу мятеж был их рук делом: спрятанная в горах частная армия по приказу Кан Хуна притворилась бандитами и примкнула к бунту. Это делалось для того, чтобы подстрекать беженцев и раздувать смуту, а в итоге свалить на наследного принца вину за неспособность подавить восстание. Естественно, прямых улик против третьего принца пока не было, но открывшаяся народу правда и без того была чудовищной: Кан Хун годами брал астрономические взятки, содержал личную армию и питал изменнические замыслы.

Сяо Чжигэ не спешил казнить Кан Хуна. На глазах у жителей Юнчжоу и в присутствии преданных генералу офицеров он предъявлял улику за уликой, слой за слоем сдирая с него маску добропорядочности.

Доказательства и свидетельства были бесспорными, вина Кан Хуна — неопровержимой. Даже некогда верные ему подчиненные не смогли вымолвить ни слова в его защиту.

Собравшиеся горожане наперебой восхваляли Бэйчжань-вана за мудрость и милосердие, радуясь, что им выпало такое счастье.

Оказавшись узником, Кан Хун растерянно огляделся по сторонам и, встретившись с холодным, суровым взглядом Сяо Чжигэ, печально усмехнулся. Сяо Чжигэ не отдал приказа казнить его на месте, а распорядился отправить вместе с прочими преступниками в Ецзин для суда. Однако при мысли о своей семье, остававшейся в столице, во рту у Кан Хуна стало горчить: он ни в коем случае не должен был доехать до Ецзина живым.

Сяо Чжигэ не лишал его жизни, но он был обязан умереть сам.

В ту же ночь Кан Хун покончил с собой в тюремной камере, испугавшись наказания. Получив известие, Сяо Чжигэ ничуть не удивился: гибель Кан Хуна была неизбежна. Однако великий князь не собирался убивать его собственными руками, чтобы не давать врагам повода раздуть скандал и обвинить его в расправе.

К тому же наследный принц еще не пал, так что третий принц пока сохранял свою полезность в этой политической игре.

В ту ночь Сяо Чжигэ сделал вид, что ничего не знает. Лишь на следующий день, когда тюремщики официально доложили о смерти Кан Хуна, он собрал офицеров, разъяснил ситуацию и распорядился отправить тело покойного вместе с остальными арестантами в Ецзин. Бывшие подчиненные Кан Хуна не могли предъявить никаких претензий. Напротив,

замкомандующего, который ранее собирался устроить побег, с лицом, горящим от стыда, после краткого колебания опустил на одно колено и попросил прощения, благодаря Сяо Чжигэ за великодушие.

Увидев, что заместитель подчинился, остальные военачальники последовали его примеру. Хотя эти офицеры не могли сравниться с теми войсками, которых Сяо Чжигэ взрастил лично, для дела они вполне годились. Поэтому Сяо Чжигэ не стал ущемлять их и оставил на прежних должностях, позволив исполнять привычные обязанности.

Офицеры, исполненные признательности, стали еще более покорны. А когда под началом Се Лина они своими глазами увидели, как стекавшиеся со всех сторон беженцы получают кров и заботу, их уважение к правителю возросло стократно.

Мятеж в Юнчжоу был в основном подавлен. На сей раз методы Сяо Чжигэ оказались куда мягче, чем в Цинчжоу, однако местная знать, наученная горьким опытом, все равно трепетала от страха. Богатые семьи наперебой жертвовали деньги и земли, а если среди их родни водились преступники, они не ждали стражников, а сами связывали виновных и приводили их к властям, демонстрируя предельную шелковость. Сяо Чжигэ решил не перегибать палку и не стал устраивать новых чисток среди знати, направив все пожертвованные средства и земли на обустройство беженцев.

К тому моменту, как большую часть беженцев Юнчжоу удалось устроить, вести дошли и до бунтовщиков, осаждавших Жуаньчжоу. К тому времени слухи об обстановке в Цинчжоу и Юнчжоу облетели все южные округа. Знать панически боялась, что Сяо Чжигэ обрушит свой гнев на нее, а простой народ славил его. Даже деревенские книжники слагали о нем стихи и оды. Свирепая слава Бэйчжань-вана развеялась, уступив место вестям о его мудрости и великодушии, разнесшимся по всему югу.

Прослышав об этом, большая часть мятежников из Жуаньчжоу также переметнулась в Юнчжоу. Оставшаяся незначительная часть не пожелала покориться — в основном то были люди с сомнительными помыслами, и Сяо Чжигэ не стал проявлять к ним жалости. В начале двенадцатого месяца он лично возглавил отряд и дочиста разгромил эту мелкую банду.

Так бунт, терзавший три округа, подошел к концу, и над ним опустился занавес.

Впрочем, обустройство беженцев требовало времени, а для поддержания порядка все еще требовалось присутствие войск, так что сразу вернуться в Яньчжоу не представлялось возможным. Вглядываясь в далекую сторону Яньчжоу, Сяо Чжигэ думал о другом: «С наступлением двенадцатого месяца Но-но должен вот-вот родить».

Яньчжоу, поместье генерала.

Живот Ань Чанцина сильно округлился, отчего ходить стало тяжело — животик тянуло вниз, а толчки младенцев внутри ощущались все отчетливее. Ху Шифэй не ошибся: он действительно носил двойню. Возможно, сказывалась некоторая удивительная отцовская связь, но Ань Чанцин уже умел различать их движения. Один ребенок был бойчее: каждый его толчок выходил сильным и ощутимым, так что на животе даже выступал небольшой бугорок. Второй же отличался кротким нравом — толкался слабо и мягко.

Ань Чанцин сидел во дворе, глядя в сторону ворот, и на его лице невольно отразилось разочарование. Сегодня шло уже десятое число двенадцатого месяца. Ху Шифэй говорил, что

роды ожидаются примерно пятнадцатого числа, а от Сяо Чжигэ до сих пор не было вестей. Похоже, он не успеет вернуться вовремя.

Ань Чанцин погладил живот и тихо произнес:

— Ваш отец, похоже, не успеет приехать... Что ж, устроим ему сюрприз.

Под его ладонью живот слегка вспучился, будто в ответ. Ань Чанцин улыбнулся и неторопливо поднялся, чтобы погулять по беседке. Хотя ему предстояло кесарево сечение, Ху Шифэй настоятельно рекомендовал побольше двигаться: чем крепче тело родителя, тем быстрее оно восстановится после родов.

Дежуривший неподалеку Юй Сяо бросился было поддержать его, но Ань Чанцин с улыбкой усадил юношу обратно, сказав, что помощь не требуется. Хотя большой живот затруднял движения, оба малыша вели себя очень послушно и не доставляли ему страданий. Если не считать некоторой неуклюжести при ходьбе, он чувствовал себя даже крепче и здоровее, чем прежде.

<http://bllate.org/book/18381/1767866>